

Только он не ожидал, что Лай Ли прилетит к нему, и не ожидал, что по возвращении произойдёт авария.

Но этот маленький негодяй, видимо, не помнил об этом.

Отсюда до улицы Шанли было далеко, и Дай Линьсюань заказал столик в другом ресторане, «Остров на озере». Когда они вошли, они неожиданно встретили человека.

Хэ Шусинь сидел в зоне отдыха в холле; рядом с ним была девушка, а вокруг — компания друзей Тан Юаньяна.

Дай Линьсюань вошёл чуть позже; они его не увидели и, увидев Лай Ли, выпалили:

— Неудачник.

Хэ Шусинь замер, не сказав ни слова.

Лай Ли, даже после операции, мог бы заставить этих людей ползать в поисках своих зубов, но только поднял ногу, как его остановили, положив руку на плечо.

Дай Линьсюань поблагодарил парковщика, затем холодно посмотрел на них:

— Меньше общайтесь с невоспитанными людьми.

Лай Ли мгновенно повеселел, покорно кивнул:

— Брат, я хочу жёлтого карпа в супе.

Дай Линьсюань сказал:

— Уже заказал.

Их провели в отдельный зал; Хэ Шусинь не смотрел в их сторону, его тело долго оставалось напряжённым, раны на спине всё ещё ныли.

*

Дай Линьсюань заранее заказал блюда, поэтому их быстро подали.

У большого жёлтого карпа уже удалили центральную кость, осталось немного мелких костей. Дай Линьсюань отложил немного мяса и сока в маленькую миску; аромат морского огурца, абалоне и моллюсков смешался, создавая невероятный запах.

Лай Ли попробовал:

— Не так вкусно, как у тебя.

— Я готовил его только один раз, на твой день рождения, разве можно сравнивать с шеф-поваром? — Дай Линьсюань усмехнулся. — Даже если ты хочешь меня похвалить, будь честен.

— Я не знал, что Цзинь Мин там живёт, это было совпадение, — Лай Ли недовольно сказал. — Когда я гнался за человеком, он увидел меня, решил сам его догнать и бросил мне мусор.

Дай Линьсюань почти не притронулся к еде, посмотрел на него и спросил:

— За кем ты гнался?

Лай Ли ответил:

— За «сверчком».

Дай Линьсюань нахмурился.

Лай Ли медленно сказал:

— Брат, трущоб больше нет, но те, кто создавал арены и «дома анатомии», всё ещё существуют... Тот «сверчок», которого ты видел, был выращен ими, стал их инструментом.

Дай Линьсюань:

— Не называй его так.

Лай Ли не любил, когда он защищал других:

— Но это правда.

— Лай Ли, — Дай Линьсюань сказал. — Ты так его называешь, потому что считаешь себя таким же? Мне это не нравится.

Лай Ли снова успокоился, неохотно согласился:

— Тогда назовём его Чжуэцин, это его старое прозвище.

Дай Линьсюань спросил:

— Ты его знаешь?

— Соревновался с ним однажды, — Лай Ли вспомнил. — Я выиграл.

Говоря это, Лай Ли пристально смотрел на него, чем-то напоминал немецкую овчарку сестры Цзин Дэюя, которая искала похвалы.

Но в таком деле Дай Линьсюань не мог похвалить. В то же время он испытывал грязное облегчение: проигрыш в соревновании, вероятно, принёс бы много страданий, побоев, голода и холода... К счастью, Лай Ли тогда этого не испытал.

Голос Дай Линьсюаня стал хриплым:

— Почему он появился здесь?

— «Сверчок»... Его вырастили до сегодняшнего дня только для одной цели, — Лай Ли произнёс два слова. — Убийство.

Если бы прислали какого-то другого преступника, можно было бы объяснить это разведкой, но прислали «сверчка», значит, только для этого.

Человека с детства тренировали, заставляли соревноваться, снова и снова, а затем держали в темноте, никогда не позволяя жить нормальной жизнью... Что ещё они могут делать, кроме соревнований и убийств?

Если бы не встретил Дай Линьсюаня, это могла бы быть и судьба Лай Ли.

Но в отличие от тех «сверчков», он убивал бы только для себя.

О сегодняшнем происшествии Лай Ли почти ничего не скрыл.

Кроме того, что Сун Цзычу был внебрачным сыном, о протезе глаза Сун Цзычу, о том, как он подстроил ловушку, и о том, как человек, стоящий за этим, внезапно отправил «сверчка» убить свидетеля и как это связано с делом об убийстве Чан Фаньи... Он рассказал всё.

Дай Линьсюань спокойно слушал:

— Передай его полиции.

— Его уже забрали, — Лай Ли нахмурился. — Разве я могу вытащить его из участка?

Но «Чжуёцин» формально не совершал преступлений, и если он не заговорит, полиции придётся его отпустить, тогда можно будет подкараулить...

Дай Линьсюань сказал:

— Я говорю о Сун Цзычу.

Лай Ли резко поднял взгляд.

Дай Линьсюань смотрел на него.

— Подозрения в убийстве Чан Фанги с тебя давно сняли, а Сун Цзычу — второй подозреваемый. Как думаешь, когда Цзинь Мин обнаружит, что Сун Цзычу пропал? Или он уже знает?

Лай Ли опустил глаза, равнодушно ответив:

— Какое это имеет ко мне отношение?

Дай Линьсюань, глядя на его непробиваемое выражение лица, почувствовал головную боль. Он не знал, как Лай Ли проживет свою жизнь в ближайшие десятилетия.

— Сяо Ли, ты ведь знаешь, — Дай Линьсюань закрыл глаза и тихо произнес, — что у меня не совсем отсутствуют границы в отношении тебя.

Он чуть ли не разрывал свое сердце, чтобы выложить его перед Лай Ли.

Лай Ли был его «единственным и неповторимым», тем немногим, что он не мог отпустить... тем, что осталось от его пустой оболочки, последними каплями плоти и крови.

Единственное, что Дай Линьсюань требовал от Лай Ли, это «соблюдать закон», жить спокойно и счастливо... больше смотреть на мир.

Как раньше.

Но и раньше это было лишь маской Лай Ли, потому что тогда Дай Линьсюань был в порядке, и

Лай Ли тоже. Он подражал другим «вторым поколениям», гулял, устраивал скандалы, делал всё, кроме полезного, совершенно не разбираясь в делах семейной компании, зато накапливая сертификаты в развлечениях.

Но как только Дай Линьсюань терял контроль, Лай Ли терял интерес ко всему этому, как скупой, возвращающийся к своему сокровищу, и пристально следил, не отпуская.

Нормальность Лай Ли зависела от того, был ли Дай Линьсюань в порядке.

* * *

Цзинь Мин положил раненую руку на стол, не упоминая, что его номер был заблокирован, и сказал знакомым тоном:

— Этот парень словно камень, из него ничего не вытянешь, но он неплохо двигается.

Дай Линьсюань, который раньше спешил найти Лай Ли, не обратил внимания:

— Он молод?

— Выглядит примерно как твой брат... может, чуть старше, — Цзинь Мин взглянул на Лай Ли.

— Он вызывает неприятные ощущения, на вопросы не отвечает, мои коллеги допрашивали его больше двух часов, но он даже не изменил позу, не говоря уже о взгляде. Это пугает.

<http://tl.rulate.ru/book/5558/195116>